

Коити Ятокава
(Япония)

ГОРЬКИЙ И ДОСТОЕВСКИЙ — НЕЕВКЛИДОВЫ ПАРАЛЛЕЛИ

Спор Горького с Достоевским — вечный спор. Д. Мережковский начинает свою статью с этой концепции «Спор Горького с Достоевским (из-за постановки «Бесов» на сцене Московского Художественного театра) важен и поучителен. Общественное внимание не ошибалось: недаром около этого спора возникло столько печатного и разговорного шума. Когда шум умолкнет, останутся вопросы немолчные, вечные, ибо и самый опор вечен»¹.

Нельзя не согласиться с этим мнением. Правда, спор-то вечен, а какова сама тема «Горький и Достоевский»? Надо сказать, что эта тема только редко поднимается в литературоведении. Совсем другое дело тема «Горький и Толстой» — довольно популярная тема. Эта тема даже не идет в сравнение с темой «Горький и Достоевский». Принято считать, что Горький гораздо ближе к Толстому, чем к Достоевскому. Однако, на мой взгляд, существует много того, что разъединяет Горького и Толстого, и, наоборот, существует немало того, что объединяет Горького и Достоевского.

Условно говоря, так называемые евклидовы параллели связывают Горького с Львом Толстым. Тут Толстой — представитель дворянской литературы, то есть старой русской литературы, можно сказать, что и классической. Сам Горький старался связывать себя с Толстым. Об этом пишет В. Эйхенбаум в своей статье «Писательский облик М. Горького». «Писать учили Горького многие — быть писателем с «судьбой» учиться было не у кого, кроме Толстого. И вот — Горький начинает зорко следить за Толстым, точно хочет выведать у него какую-то тайну. Он и восторгается, и разоблачает, радуясь своим неожиданным наблюдениям и открытиям: Толстой — хитрый старик, колдун, вяло говорящий о божестве, озорник, пересыпающий свою речь неприличными словами. И тем не менее он — великий, он — человек с судьбой и с поведением. Горький оглядывает его со всех сторон и в разных положениях — он изучает его жесты, руки, пальцы. Он настороженно следит за отношением Толстого к себе и обиженно записывает: «Его интерес ко мне — этнографический

интерес. Я в его глазах — особь племени малознакомого ему — и только»².

Это самосознание Горького по отношению к Толстому намекает на то, что параллели «Горький и Толстой» являются евклидовыми. Тут под термином «евклидовы параллели» я подразумеваю популярное, так сказать, классическое сравнение двух писателей. Надо сказать, что сам Горький был против мнений, сближающих его с Толстым. Тут две линии — линия Горького и линия Толстого — не соприкасаются по своей сущности. Иначе говоря, соприкосновение Горького с Толстым является только кажущимся и поверхностным, а не настоящим и глубоким. Две линии не входят в соприкосновение, не соприкасаются друг с другом. Между ними нет точек соприкосновения в конечном счете. Тут, так сказать, евклидова геометрия. Горький и Толстой соприкасаются в мире этой геометрии.

Автобиографическая трилогия Горького — «Детство», «В людях» и «Мои университеты» — сразу напоминает Толстого — «Детство», «Отрочество» и «Юность». Однако это только внешнее сходство. Несмотря на видимые параллели двух трилогий, на самом деле между ними огромная пропасть. Следует обратить внимание на время создания этих трилогий. Толстой писал трилогию в самом начале писательства. Горький же писал трилогию в середине или во второй половине своего писательского пути. Один этот факт намекает, по моему мнению, на несходство творчества двух писателей. В действительности существует большая разница между этими трилогиями. Тогда как мир Толстого представляет собой, так сказать, «дворянское гнездо», мир же Горького является так называемым дном общества. В то время как главный герой толстовской трилогии — дворянский сын, герой же горьковской трилогии, так сказать, — бродяга.

Бродяжничество отличалось от дворянства как земля от неба. В истории России, в частности при царизме, дворянство шло параллельными путями с бродяжничеством, словно как небо с землей. Причём там были евклидовы параллели без всяких точек соприкосновения, а не неевклидовы. Мир Толстого — дворянство — не соприкасался с миром Горького — с бродяжничеством — тоже так же, как и небо с землей.

Иначе обстоит дело с Горьким по отношению к Достоевскому. Считается, что тема «Горький и Достоевский» — тема бесполезная и бесплодная. Между ними и не было «диалога», а был только «монолог» Горького о Достоевском. Тут имеется в виду спор Горького с Достоевским в вышеуказанной статье Д. Мережковского. Однако надо сказать,

что это представляет собой довольно недальновидный взгляд. Автор той же статьи пишет: «Хорошо сделал Горький, что начал или, вернее, возобновил спор с Достоевским о русской общественности. В Достоевском воплотилась вечная метафизическая сила русской реакции, сила сопротивления старого порядка новому. Не сломив этой силы, не преодолев Достоевского и достоевщины, нельзя идти к будущему. Но чтобы победить врага, надо встретиться с ним на той почве, на которой он стоит. А почва Достоевского — религиозная. Горький на нее не становится, а потому не только не побеждает врага, но даже не встречается с ним, идет не против, а мимо него»³.

Тут стоит обратить внимание на выражения «надо встретиться», «но даже на встречается с ним, идет не против, а мимо него». Это означает, что Горький шел параллельными путями с Достоевским. Однако я не всецело соглашаюсь с Д. Мережковским. Остается вопрос, какими параллельными путями? Каковы тут параллели, евклидовы или неевклидовы? Какова тут геометрия, евклидова или неевклидова? Это непременно надо сообразить.

Самое главное для писателей — это их творчество. Отсюда выходит, что сравнимость писателей зависит от сравнимости их творчества. А творчество Горького, на мой взгляд, хорошо сравнимо с творчеством Достоевского. Нельзя сказать, что параллели «Горький и Достоевский» — евклидовы параллели. Надо сказать, что они неевклидовы. Они имеют точки пересечения. Они иногда пересекаются. А именно?

Во-первых, оба — Горький и Достоевский — критически или отрицательно относились к дворянству. Не случайно Горький писал свою трилогию, изображая мир, противоположный миру в толстовской трилогии, а Достоевский не высоко оценивал толстовскую трилогию, вопреки ее художественному совершенству. Достоевский, касаясь толстовской трилогии, пишет: «Где вы найдете теперь такие «Детство и отрочество», которые бы могли быть воссозданы в таком стройном и отчетливом изложении, в каком представил, например, нам свою эпоху и свое семейство граф Лев Толстой, или как в «Войне и мире» его же? Все эти поэмы теперь не более лишь как исторические картины давно прошедшего»⁴.

Известно, что при создании романа «Подросток» Достоевский тоже имел в виду дворянский мир, так же как и Толстой. Тема русского дворянства занимает большой удельный вес в этом романа. Даже можно, на мой взгляд, условно назвать «Подросток» своего рода «Дворянским гнездом» Достоевского. Однако писатель не случайно назвал этот роман

«Беспорядок» на ранней стадии творчества. И недаром Аркадий Макарович — «подросток» — носит старинную русскую дворянскую фамилию Долгорукий. Беспорядок в русском дворянстве, как в уменьшенной копии русского общества — вот в чем суть того, что Достоевский хотел отразить в этом романе. Получилась оборотная сторона русской жизни, описанной Толстым в трилогии, «Войне и мире» и проч. Это естественно, так как Достоевский видел беспорядок в русском дворянстве и во всей России, а Толстой порядок там же. Само собой разумеется, что порядок и беспорядок — две стороны одной действительности.

Во-вторых, оба они также критически или отрицательно относились к народничеству. Оба они не были подголосками народников, не вторили лозунгу «В народ!». Оба они слишком хорошо знали народ, чтобы не идти вслед за народниками. Ведь без народа нет ни наивного лозунга «В народ!», ни народников, ни народничества. А для них обоих не было, так сказать, «чистого народа».

Будучи сам «выходцем» из простого народа, Горький, почти инстинктивно, по природе и по натуре, по опыту и по переживанию, знал, что такое народ. По этому поводу Горький пишет в «Моих университетах»: «Когда говорили о народе, я с изумлением и недоверием к себе чувствовал, что на эту тему не могу думать так, как думают эти люди. Для них народ являлся воплощением мудрости, духовной красоты и добросердечия, существом почти богоподобным и единосущим, вместилищем начал всего прекрасного, справедливого, величественного. Я не знал такого народа. Я видел плотников, грузчиков, каменщиков, знал Якова, Осипа, Григория, а тут говорили именно о единосущном народе и ставили себя куда-то ниже его, в зависимость от его воли» (XVI, 35).

Для Горького, исконного человека из народа, шумный призыв — «В народ!» был, пожалуй, пустым звуком. «В людях» и «В народе» — синонимы, хотя не стопроцентные. Герой повести «В людях» сначала слился с народом. То же самое можно сказать о её авторе, так как эта повесть — вторая часть автобиографического цикла писателя. По какой надобности «идти в народ» постоянно живущему «в народе», то есть, «в людях»? «Хождение в народ» теряет всякий смысл, так сказать, для коренного народа.

Для Достоевского, так же как и для Горького, народ не был самоцелью в отличие от народников, которые превратили народ в самоочевидную самоцель. Достоевский слишком хорошо знал народ, чтобы, так сказать, обоготворить его. В «Дневнике писателя» за 1880 год, в его последнем номере, — Достоевский пишет: «Да, народ наш груб, хотя и

далеко не весь, о, не весь, в этом я клянусь уже как свидетель, потому что я видел народ наш и знаю его, жил с ним довольно лет, ел с ним, спал с ним и сам «к злодеям причтен был», работал с ним настоящей мозольной работой, в то время как другие, «умывавшие руки в крови», либеральничая и подхихикивая над народом, решали на лекциях и в отделении журнальных фельетонов, что народ наш «образа звериного и печати его». Не говорите же мне, что я не знаю народа! Я его знаю: от него я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в «европейского либерала»⁵.

Нечего и говорить о том, что тут речь идет о «Мертвом доме», о его каторге в Сибири. Можно сказать, на мой взгляд, что «Записки из мертвого дома» Достоевского — это своего рода «На дне» того же самого писателя. Не случайно в этих «Записках» читаем следующий абзац, невольно напоминающий прославленные абзацы в «Детстве» Горького: «Можно было даже удивляться, смотря на этих импровизированных актеров, и невольно подумать: сколько сил и таланту погибает у нас на Руси иногда почти даром, в неволе и в тяжелой доле! Но арестант, игравший писаря, вероятно, когда-то был на провинциальном или домашнем театре, и ему вообразилось, что наши актеры, все до единого, не понимают дела и не так ходят, как следует ходить не сцене»⁶. В «Детстве» же, в конечных абзацах ее предпоследней главы, читаем: «Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И, с обновленной уверенностью, отвечаю себе — стоит: ибо это — живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжелой и позорной.

И есть другая, более положительная причина, понуждающая меня рисовать эти мерзости. Хотя они и противны, хотя и давят нас, до смерти расплющивая множество прекрасных душ, — русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душою, что преодолевает и преодолевает их.

Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе человецье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой» (XVI, 193–194).

Тут оба — Достоевский и Горький — возлагают надежду на русский народ. Тут, так сказать, две параллели пересекаются. Получаются неевклидовы параллели. Однако возникает вопрос, чем отличались их надежды на народ от надежд народников на народ?

Народники надеялись на русский народ безоговорочно. Отсюда следует, что их надежды были бесосновательны. Поэтому естественно то, что с течением времени народническое общественное движение показало себя в истинном свете.

Горький надеялся на русский народ, основываясь на том, что этот народ преодолет, так сказать, свою тёмную сторону. Его доводы убедительны, так как он хорошо изучал русский народ «в людях» и в «его университетах».

Достоевский же был уверен в светлой стороне русского народа и, следовательно, России на основании того, что русские — православный народ и Россия — православная страна. Для него эпитет «православный» представляет собой постоянный эпитет русского народа и России. В «Дневнике писателя» читаем: «Я утверждаю, что наш народ просветлился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его. Мне скажут: он учения Христова не знает, проповедей ему не говорят, но это возражение пустое: всё знает, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: «Господи сил, с нами буди!» — и тогда-то, может быть, и заучил этот гимн, потому что, кроме Христа, у него тогда ничего не оставалось, а в нем, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова»⁷.

Представляет интерес тот факт, что вокруг темы «Горький и Достоевский» наблюдаются, так сказать, две геометрии: евклидова и неевклидова. В первой — в евклидовой — геометрии две параллели — линии Горького и Достоевского — не пересекаются, так как линия Горького является атеистической, тогда как линия Достоевского религиозной. Тут две параллели — атеизм и религия — не совместимы друг с другом. Они вечно противоречат друг другу.

Во второй — в неевклидовой — геометрии две параллели пересекаются, так как две линии имеют общие моменты. Имеется в виду то, что оба — Горький и Достоевский — возлагают надежду на русский народ с оговорками в отличие от народников, которые надеются на него без всяких оговорок.

П. Косенко озаглавил одну из своих книг о Достоевском «Неевклидовы параллели (Хроника последних лет жизни Федора Михайловича Достоевского и некоторых его современников)». На титульном листе читаем: «В нем рассматривается последний, самый высокий творческий взлет гениального писателя в прямой связи с деятельностью революционеров-народников. Достоевский не был революционером, но он часто и во многом шел параллельными путями с ними»⁸.

По аналогии с этим обзором можно сказать, на мой взгляд, что Горький иногда и во многом шел с Достоевским в мире неевклидовой геометрии.

Примечания

1. Мережковский Д. Горький и Достоевский // Вечные спутники. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 643.
2. Эйхенбаум Б. Писательский облик М. Горького // О литературе. М.: Советский писатель, 1987. С. 440.
3. Мережковский Д. Горький и Достоевский. С. 650-651.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-и Т. Л.: Наука. Т. 26. 1983. С. 173.
5. Там же. Т. 26. С. 152.
6. Там же. Т. 4. С. 128.
7. Там же. Т. 26. С. 150-151.
8. Косенко П. Неевклидовы параллели (Хроника последних лет жизни Федора Михайловича Достоевского и некоторых его современников). Алма-Ата: Жазуты, 1988. С. 2.